

Танкер «Дербент»: Ветер -1

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Ветер -1 ВЕТЕР

1.

На рассвете перед уходом с рейда капитан неожиданно получил предписание идти в Красноводск. Телеграмму принес Володя. Стоя в дверях штурманской рубки, он вздрагивал и тер кулаком глаза. – Вот не угодно ли? – сказал капитан с досадой, отодвигая бумагу. – Бросай все и иди куда-то к черту. Что там у них в Красноводске – неизвестно. Говорят – легкая нефть.

Порыв ветра подхватил листок, надул колоколом рубашку Володи, зашевелил полы капитанского тулупа. Быстро светало.

– Они там понятия не имеют о наших условиях, – брюзжал капитан. – У нас на палубе электромоторы и всякая всячина. Механик говорил, что достаточно искры, какая бывает в электромоторах, и произойдет взрыв. А кто будет отвечать, позвольте спросить?..

– Они просили подтвердить исполнение, – напомнил Володя. – Разрешите передать?

– Подожди, голубчик. Я говорю: кто будет отвечать? Разумеется, капитан! Они только составляют планы да пишут приказы, а капитан выполняй. Вот взять да и Отказаться! Не можем, мол, менять род груза без специального осмотра судна. Пусть назначат комиссию, составят акт, а тогда хоть бензин грузите.

– Так, значит, передать, что мы отказываемся? – спросил Володя, повертываясь к двери. Его трясло от ледяного ветра, и ему хотелось двигаться. Он по опыту знал, как трудно прервать капитана, когда тот заговорит об ответственности и береговом начальстве. – Я уж передам, Евгений Степанович, не беспокойтесь!

– Постой, ну куда же ты? – всполохнулся капитан, суетливо оглядываясь и отыскивая депешу. – Так нельзя сразу... Ведь начнутся нарекания: срыв плана, то да се... Где Касацкий?

– Спит в каюте.

– Разбуди его... или нет, не надо, лучше позови механика, голубчик. Мы подумаем.

Солнце вынырнуло на поверхность моря, и над ним заалели нижние края кудрявых облаков. Порозовели белые надстройки судна, по воде заплясали огненные завитки, и свет электрического фонаря в рубке растаял, превратившись в крошечное белое пятно.

С севера, посылая впереди себя растрепанные клочья облаков, похожие на хлопья серого дыма, надвигалась тяжелая сизая туча. И оттуда же, с севера, точно отражая то, что происходило в небе, гнало море мелкие торопливые волны, вскипавшие светлой пеной. Из трубы «Дербента» вылетали серые кольца дыма, ветер подхватывал их, сминал и кидал на палубу.

– Норд идет, – сказал Евгений Степанович, запахивая тулуп, – настоящий норд, осенний. И барометр падает.

На мостике ветер хлестнул ему в лицо и, забравшись за воротник, пощекотал спину холодными пальцами. Внизу мягко и гулко захлопал шлюпочный брезент, раздуваемый ветром. Рулевой за окном оглянулся на шаги капитана, перехватывая штурвал.

«Теперь уж скоро конец навигации, – думал Евгений Степанович, спускаясь по трапу. – Сколько еще осталось? Ноябрь, декабрь... нет, половина декабря. Сколько дней в ноябре?»

Навстречу ему вышел механик и прикоснулся к козырьку фуражки. Лицо его от ветра было красно и казалось опухшим и сердитым. Он молчал, глядя куда-то в сторону, словно не желая начинать разговор, и угрюмо, прятал подбородок в поднятый воротник бушлата.

«Не любит он меня, – подумал Евгений Степанович с тоской. – Касацкий прав. И зачем только я его позвал? Надо было разбудить Касацкого. О чем с ним говорить?»

– Хорошо, что вы не спите, – сказал он вслух приветливым тоном, – видите, что надвигается? Теперь ждите шторма баллов на десять, не меньше! А тут еще приходится менять курс. Слыхали?

– Мне радист говорил, – отозвался Басов. Он оглянулся, как бы отыскивая радиста, и, не найдя, снова стал смотреть на воду.

Евгений Степанович почувствовал себя оскорбленным, но в то же

время что-то тянуло его продолжать разговор, хотелось расположить в свою пользу этого недоброжелательного человека.

– Не знаю, право, как быть теперь, – сказал он, как можно мягче прикасаясь к руке механика, словно намереваясь притянуть его к себе, – с одной стороны, красноводская нефть, как известно, легкая, и ее надо возить на бензиновозах. А у нас моторы на палубе и повсюду курят, несмотря на приказ. Но с другой стороны, отказаться – значит сорвать им план перевозок. Нет, на это я не пойду. («Глупо, – подумал капитан про себя, – точно он меня уговаривает сорвать план, а я отказываюсь. И заискиваю я перед ним как будто... Ах, как гадко! Неужели заискиваю?») Я не хотел давать ответа, не посоветовавшись с вами. Хотя я уверен, что вы со мной согласитесь... («Конечно, заискиваю!») На каждом из нас лежит ответственность не только за наше задание, но и за перевозки в целом, потому что мы прежде всего сознательные люди... Одним словом, я думаю, что надо подтвердить исполнение и идти в Красноводск.

Басов молчал, потупив глаза, как бы раздумывая, и Евгений Степанович волновался: вдруг механик скажет, что это не его дело, или совсем ничего не ответит, и выйдет ужасно неловко. Но Басов вдруг оглянулся, словно желая удостовериться, что кругом никого нет. Оглянулся невольно и Евгений Степанович.

– В прошлом году сгорел нефтевоз «Партизан», – сказал Басов тихо, – вы не помните, как это было? Они тоже везли красноводскую нефть. Кто-то закурил на палубе или уронил стальной ключ, не знаю точно. Должно быть, у них была щель в люке и оттуда выходил газ. Только был взрыв, и на палубе полопались швы, и вырвало люки. По счастью, это случилось днем, и команда успела спустить шлюпки. Кое-кто обгорел, конечно, но не сильно. А судно погибло.

– А люди-то почему... обгорели? – спросил Евгений Степанович, запинаясь.

Он уже забыл об оскорбительной небрежности механика и о своем унижении. Каждое слово Басова отдавалось в его груди болезненным толчком, после которого ныло сердце.

– Почему обгорели? Когда разбило палубу взрывом, нефть разлилась по воде, Нефть на воде горит превосходно.

– Так зачем же они нас посылают? – закипятился Евгений Степанович. – Ведь это же преступление, а? Даня в коем случае не надо соглашаться на это! Как вы думаете? Вы говорите, там ключ уронили. А у нас разве не могут это самое... уронить?

– Не знаю.

– Ну, вот видите! Нет, это черт знает что! Ну, скажите мне откровенно, вот вы коммунист, – понизил голос Евгений Степанович, – вот этот сегодняшний приказ – разве это не подлость, не преступление? Скажите!

– Да я ведь не специалист, но, по-моему, какое же преступление? Нужно вывезти легкую нефть, а бензиновозов не хватает. На «Дербенте» палуба не пропускает газа и люки герметичны. Кроме того, у нас высокий газоотвод. Значит, прямой опасности нет, но от нас зависит устранить всякие случайности. Ведь сама по себе нефть не загорается, даже и красноводская, – усмехнулся он в воротник.

– А нельзя ли все-таки отказаться? Пусть назначат комиссию и разрешат официально.

– Отказаться нельзя. Вы ведь сами сейчас сказали, что сорвем перевозки. Я тот случай к тому вспомнил, что надо быть осторожнее, когда пойдем с грузом, за людьми смотреть надо. А то, не ровен час...

Порыв ветра ударил с севера, покрыв поверхность моря черными пятнами ряби. Евгений Степанович приставил ладонь к уху:

– Что вы сказали?

Но Басов только поежился, глубже засунул руки в рукава бушлата и пошевелил обветренными губами:

– Хо-а-дно!.. Powestler